

Я очень хочу жить: Мой личный опыт

Автор:

Дарья Донцова

Я очень хочу жить: Мой личный опыт

Дарья Аркадьевна Донцова

Эта книга написана женщиной, которая не один год боролась с раком груди и сумела победить болезнь. Дарья Донцова шокирующе откровенно рассказала о том, как долго искала хороших врачей, как прошла через несколько операций, химио- и лучевую терапию, как много лет принимала гормоны и сумела справиться с вызванными лекарствами изменением веса. Это не повествование врача или рекомендации психолога. Это предельно откровенное описание личного опыта и простые, но очень действенные советы от женщины, пережившей рак молочной железы. Ее рассказ о моральных и физических ощущениях, о минутах отчаяния и о том, что придало ей сил бороться за свою жизнь. Говорят, каждый болеет в одиночку. Дарья Донцова решила написать эту книгу, чтобы и больные, и их родственники знали: они не одиноки, рак победим, и сделали своим девизом слова: «Никогда не сдавайся!»

Дарья Донцова

Я очень хочу жить: Мой личный опыт

Посвящается хирургу Игорю Анатольевичу Грошеву, всем врачам, медсестрам, санитаркам и сотрудникам Московской городской онкологической больницы № 62.

Вступление

Я часто приезжаю в книжные магазины, чтобы встретиться со своими читателями, и рано или поздно в толпе любителей детективов непременно найдется женщина, которая, протягивая мне книгу на подпись, тихо скажет:

– У нас с вами одна проблема, я имею в виду онкологию. Можно нам поговорить с глазу на глаз? Неудобно при всех обсуждать деликатные вопросы.

Я, как правило, отвечаю:

– Подождите, пока закончится автограф-сессия, и тогда побеседуем.

Когда основная масса народа расходитя, около входа в кабинет директора магазина собирается группа из пяти-десяти человек. Меня сразу начинают атаковать вопросами, главный из которых звучит так: «Даша, скажите, рак победим?» Услышав мой утвердительный ответ, женщины сразу интересуются: «А как вы лечились? Что помогло вам выздороветь?» Вопросы сыплются, словно из рога изобилия. Как пережить химиотерапию? Где найти хорошего врача? Почему знакомой назначили лучевую терапию, а мне не хотят ее делать? Вы боялись операции? И так далее.

Я очень хорошо понимаю своих читательниц, поэтому всегда стараюсь детально рассказать о собственном опыте. Но мысли написать на эту тему книгу у меня ранее не возникало. Я не хирург, не психотерапевт, я всего лишь человек, который прошел через онкологию, наверное, я не имею права раздавать советы. Так мне думалось до недавнего времени.

Изменить мнение в отношении книги меня заставили два события.

О моих встречах в книжных магазинах сообщается заранее, информация вывешивается как на сайте издательства «Эксмо», так и на моей личной странице, а вот визиты Дарьи Донцовой в онкологические клиники не афишируются. И тем не менее я довольно часто посещаю стационары. Зачем? Ну, во-первых, там в палатах много моих преданных читателей, которым по состоянию здоровья трудно пойти в книжный магазин. А во-вторых, больным людям нужна моральная поддержка, им необходимо слышать, что онкологическое заболевание не приговор, оно лечится. Но одно дело, когда эти правильные слова произносит врач, и совсем иное, когда пациенты видят перед

собой веселую, довольную жизнью женщину, у которой была та же проблема, что и у них, и у нее за спиной те же операции, уколы, таблетки. Я, так сказать, работаю живым примером. А еще мне удастся уговорить лечь на стол хирурга тех людей, которые по глупости отказываются лечиться.

Так вот, приехала я в очередной раз в одну клинику и прямо в холле увидела двух женщин в больничных халатах. Они меня узнали, со всех ног кинулись ко мне, и я решила, что дамы сейчас попросят автограф. Но нет, одна из незнакомок сказала:

– Даша, тут все говорят, что вы приносите удачу. Это правда?

Согласитесь, не очень-то удобно отвечать в таком случае:

«Да, конечно, совершенно верно».

Поэтому я забормотала нечто невразумительное. И тогда в беседу вступила другая больная:

– Мы знаем, читали в Интернете, что подпись Донцовой волшебная.

Я опустила глаза и окончательно смутилась.

Много лет назад ко мне, тогда начинающей писательнице, на книжной ярмарке подошла красивая и очень грустная девушка. В тот год за автографом Дарьи Донцовой еще не стояла километровая очередь, поэтому мы с читательницей могли поговорить спокойно. У незнакомки оказалось прекрасное, но далеко не самое распространенное ныне имя – Марфа, она была москвичкой и очень хотела выйти замуж. Да, видно, мужчины сразу понимали, что девушка мечтает их окольцевать, и поэтому старательно избегали отношений с красавицей. Мне стало жалко Марфу, я решила ее подбодрить и сказала:

– Знаешь, если один человек пожелает другому что-то от всей души, то пожелание непременно сбудется.

Потом взяла свою книгу, написала на первой странице: «Дорогая Марфа, пусть то, о чем ты мечтаешь, осуществится в этом году. С любовью, Дарья Донцова» –

и отдала томик собеседнице.

Повторяю: мне просто хотелось утешить Марфу. И она действительно перестала шмыгать носом, ушла домой почти в хорошем настроении.

Представьте мое удивление, когда через двенадцать месяцев на следующей книжной ярмарке передо мной появилась молодая женщина и весело спросила:

- Помните меня?

- Простите, нет, - ответила я.

- Книгу узнаете? - не успокаивалась читательница. - Вот ваш автограф, смотрите...

Я прочитала надпись и тоже заулыбалась, вспомнив прошлогодний разговор.

- Вы - Марфа! Как ваши дела?

И вдруг собеседница громко воскликнула:

- Вы волшебница!

Потом она повернулась к терпеливо ждущей очереди и закричала:

- Люди! Подпись Донцовой приносит удачу! Она мне пожелала выйти замуж, и я теперь счастливая жена! Вот, видите, у меня обручальное колечко! Просите у Дарьи все, что хотите! Не упускайте возможности!

За год, прошедший с момента нашей первой встречи с Марфой, количество поклонников у меня резко прибавилось, около стенда издательства «Эксмо» было довольно многолюдно. И после слов девушки я несколько часов, не разгибая спины, писала на своих книгах разные пожелания: любви, здоровья, денег побольше, хорошей работы, родить здорового ребеночка...

Через месяц, когда я приехала в очередной книжный магазин, первый же покупатель сказал:

– Знаю, ваш автограф приманивает удачу. Мне бы стать начальником отдела...
Напишите вот тут, аккуратно, и число непременно поставьте.

– Кто вам сказал о такой особенности моей подписи? – осторожно спросила я.

– Народ говорит, и в Интернете сообщают, – пояснил он. – В чатах утверждают: что вы напишете, то непременно сбудется. Бабы замуж выскакивают, парни работу получают, в институты люди поступают.

Я попыталась воззвать к логике собеседника.

– Это простое совпадение! Если я и пожелала ста женщинам удачно выйти замуж, то большая часть из них непременно и без моего автографа найдет себе пару. Никакой моей заслуги в этом нет.

– Совпадение или нет, а вы все равно напишите то, что я прошу, – не дрогнул мужчина.

Ну и что мне было делать?

Теперь я никогда не спорю с читателями, всегда желаю им то, чего они хотят, но предупреждаю:

– Просите только хорошее. Если задумали отнять мужа у подруги или подсидеть коллегу, ничего из этой затеи не получится.

Самое интересное, что потом у большинства людей действительно сбываются заветные мечты. Я получаю много писем с благодарностями. Наверное, мое пожелание срабатывает, как плацебо. Или, может, права была моя бабушка, когда говорила: «Пожелай человеку от всей души хорошего, и он его получит; пожелай дурного – и сам злобой захлебнешься».

В холле клиники подошедшие ко мне пациентки заговорили на ту же тему:

- Знаем про вашу волшебную подпись.

- Сейчас схожу в машину и принесу вам книги, - пообещала я.

- Большое спасибо, они у нас уже есть, - хором сказали женщины.

Потом одна из них добавила:

- У нас не очень хорошая стадия, лечиться долго. Вдруг умрем?

- Дайте нам талисман, - подхватила вторая. - Пожалуйста!

Я опешила.

- Но у меня с собой ничего такого нет, ни игрушек, ни...

- Какую-нибудь вещь, - тихо попросила первая, - на счастье, очень надо!

Дело было летом, ни шарфика, ни перчаток, ни шапочки при мне не было, сумочка осталась в машине, я стояла перед собеседницами в легком платье и босоножках.

- Талисман от вас не даст нам умереть, - прошептала вторая больная. - Точно знаю!

Что было делать? Я вынула из ушей сережки, симпатичных серебряных мопсов, протянула их женщинам и сказала:

- Держите. Это волшебные собачки, они загрызут любую болезнь, которая попытается к вам подкрасться.

- Теперь мы выживем, - прошептала одна из собеседниц.

Другая взяла меня за руку, легко сжала кисть.

- Даша, вы молодец, вы сильная, не испугались рака. А мы трусихи...

Я смотрела, как пациентки клиники, шаркая спадающими тапками, спешат к лифту, и пыталась проглотить горячий, колючий комок, вставший поперек горла. Ох, девочки, я совсем не такая сильная, как вы полагаете! Известие об онкологическом заболевании испугало меня до дрожи в коленях. А в моем мозгу стала оформляться мысль: может, надо рассказать моим читателям правду? Описать в подробностях, как я шла по далеко не гладкой дороге – от болезни к победе над ней? Сейчас в магазинах много разной научной и популярной литературы, посвященной онкологии, но в основном эти книги написаны врачами и психологами, я же – человек с другой стороны баррикады, из армии тех, кто был болен. Вероятно, мой личный опыт поможет женщинам, которые услышали из уст врачей диагноз: рак молочной железы.

В тот день у меня еще было запланировано интервью. Вечером я пришла в кафе, села за столик и услышала от корреспондента вопрос:

– Ну, и как живется дезертиру с кладбища?

– Простите, кому? – не поняла я.

Журналист весело рассмеялся.

– Хорошее название для моей статьи о вас: «Дезертир с кладбища». Всем известно, что от рака умирают, а вы, значит, дезертир с кладбища. Не каждой так повезет. Ну да и не у любой россиянки есть возможность лечиться за рубежом.

Меня охватило возмущение.

– Молодой человек, я лежала в шестьдесят второй московской больнице, в общей палате. И дезертир – это трус, убегающий с поля боя, а я скорей уж рядовой солдат армии онкологических больных, храбро сражающихся с раком.

Репортер скривился.

– Дарья, умоляю, не надо позы и пафоса. Давайте расскажем людям правду. В России все больные обречены, а вот на Западе...

Я встала и пошла к двери, уже решив для себя: да, я расскажу правду – напишу книгу о том, что чувствовала, что переживала во время лечения. Опишу свои страхи, отчаяние, ужас, объясню, как негативные эмоции постепенно уходили, сменялись надеждой на выздоровление, а затем – твердой уверенностью в том, что я вновь встану на ноги. Я вспомню плохих и хороших врачей, разных людей, которые встретились мне в больницах и диспансерах. Я объясню, как жила много лет, принимая большие дозы гормонов, как рыдала, став лысой от химиотерапии, и радовалась, услышав от хирурга слова: «Донцову можно выписывать». Я очень хочу, чтобы люди знали: рак победим. Я не сразу стала сильным борцом, стойким оловянным солдатиком, и я расскажу, как смогла победить свою слабость.

Мы с вами родственники, сестры по болезни, я прекрасно понимаю, что вы испытываете. Может, вам станет легче и спокойнее, когда вы узнаете, что ощущала я. Очень надеюсь, что эта книга поможет женщинам, больным раком груди, и их родственникам.

От всей души, от всего сердца, я желаю заболевшим выздороветь. Нет у меня таких слов, чтобы описать, до какой степени я хочу, чтобы вы поправились. Пусть эта книга станет для вас талисманом, пусть она принесет вам удачу.

Я люблю вас.

Начало длинного пути

Только заболев, понимаешь, как счастливо ты жила, когда была здоровой.

До сорока пяти лет я ощущала себя молодой женщиной, не имела хронических недугов, в больнице оказывалась только для того, чтобы родить ребенка. Я не бегала по врачам, не сдавала анализы. Настроение мне портила лишь мигрень, которая, словно противная родственница, раз в месяц являлась ко мне незваной, нежеланной гостьей. Первый раз приступ головной боли случился со мной лет в тринадцать, и с тех пор мы с ней стали неразлучны. Я пыталась справиться с недугом при помощи разнообразных таблеток, микстур, уколов и народных средств.

Отлично помню, как милая старушка-знахарка из деревни Глебовка, где наша семья снимала на лето дачу, дала мне ценный совет:

– Каждое утро размешивай в стакане свежего, не магазинного молока желток и белок только что снесенного курицей яйца и выпивай залпом.

Меня перекошило от отвращения. Не могу назвать себя капризницей, употребляющей в пищу лишь особые блюда, но существуют продукты, которые я на дух не переношу. Фавориты среди них – молоко и сырые яйца. Вот кефир, йогурт, ряженку, сметану, творог, омлет, яичницу я с удовольствием слопаю и еще попрошу. А на молоко из бидона и на, как говорила моя дочь Маша в детстве, «куриную икру» даже смотреть не могу.

Но местная целительница была крайне убедительна, и я в конце концов подумала: ради избавления от раскаленного штопора, который раз в тридцать дней ввинчивается в висок, надо пересилить себя. Почти целый месяц я давилась чудовищным коктейлем. И что? Не успел «оздоровительный курс» завершиться, как у меня приключился такой приступ, что перепуганная хозяйка снятой нами избы вызвала «Скорую». Врачи приехали на следующие сутки – до Глебовки в начале 90-х прошлого века медицинская помощь добиралась неспешно. Я к тому моменту уже встала с кровати и собирала на огороде огурцы, приняв стратегическое решение: больше мигрень не лечу, я с ней просто живу. Точка.

И вот что интересно! Едва я подумала: «Это не болезнь, а часть моего организма, то есть у меня есть глаза, нос, руки-ноги, сердце, желудок и мигрень», – как нам удалось с недугом договориться.

Раз в месяц я гасила в комнате свет, падала в кровать и забивалась под одеяло, объявив домашним: «Всем пока, вернусь через сутки».

И действительно, спустя двадцать четыре часа я бодрой трусцой спешила на кухню готовить детям и мужу обед. Мигрень меня в течение следующих четырех недель не трогала.

Раньше гадкая «подруга», когда я ее забрасывала таблетками и заливала разными чаями-настоями, постоянно норовила поднять голову. Висок начинало ломить по любому поводу: на улице внезапно поменялась погода, дочка Маша

принесла из школы замечание в дневнике, подгорели котлеты, супруг ушел на работу и ни разу за день не позвонил... Теперь, поняв, что мигрень никуда не денется, сутки я нахожусь в ее распоряжении, зато потом тридцать дней она меня не навещает. Мы с ней сиамские близнецы, и нет необходимости хвататься за все пилюли подряд. У нас выстроились паритетные отношения.

Надо отдать должное моим домашним: они не капризничали, не злились, не ломались в спальню, не приставали ко мне с вопросами, воспринимали очередной приступ головной боли как мой отъезд в командировку. В конце концов я поняла, что мне крупно повезло. Все подружки и коллеги постоянно сидели на диетах, ограничивали себя в сладком, отворачивались от хлеба, жареной картошки. А я преспокойно ела, что хотела, потому что распрекрасно знала: за время приступа потеряю три-четыре, а то и пять кило. Куда девался вес? Не спрашивайте, понятия не имею. Но это был замечательный бонус, благодаря головной боли я сохраняла девичью фигуру. Отличное подтверждение известной истины: в любой неприятности можно найти положительную сторону, в плохом непременно отыщется хорошее.

Короче говоря, до своего сорокапятилетия я, здоровая и молодая бывшая советская женщина, воспитывала троих детей, пыталась угодить маме со свекровью, работала репетитором и вела домашнее хозяйство. Самые важные слова в предыдущей фразе – «бывшая советская». В 1997 году от СССР остались одни воспоминания. Но куда деть менталитет? Советские граждане были не приучены ходить к врачу просто так. Лично я считала, что в районную поликлинику следует вползть с температурой как минимум в районе тридцати девяти градусов. Посетить поликлинику для профилактического осмотра? Абсолютный нонсенс!

Нет, можно, конечно, промаяться полдня в очереди, потом сесть около замороженной нескончаемой вереницей пациентов докторши и на ее вопрос: «На что жалуетесь?» – сообщить: «Самочувствие прекрасное, нигде ничего не болит. Но вы дайте мне направление на анализы, хочу проверить свое здоровье».

И что я услышу в ответ? В лучшем случае фразу, мол, некоторым делать нечего, вот они и шляются по кабинетам, отнимают у врачей драгоценное время. Да и у меня самой не было лишних часов, чтобы потратить их на диспансеризацию. Я не могла позволить себе провести пару дней в поликлинике, где к каждому специалисту клубилась прорва народа.

Правда, в 1997 году в Москве уже работали частные клиники, в которых не было очередей. Но мне, жене профессора МГУ, женщине с большой семьей, туда не стоило соваться – у нас с Александром Ивановичем не имелось таких денег. Нет, мы не были нищими, работали, обеспечивали и себя, и детей, и родителей, но выбрасывать бешеные тысячи на поход к доктору, когда у тебя ничего не болит? Мне это казалось удивительной глупостью. Я приду в лечебницу, расстанусь с очень большой суммой, пробегу по специалистам, услышу диагноз: здорова, как корова, и уйду домой? Спасибо, лучше я куплю Марусеньке зимние сапоги, Диме пальто, маме принесу фруктов, поставлю в квартире свекрови стеклопакеты. А муж, кстати, давно мечтает о приобретении новых книг в библиотеку. В большой семье всегда полно трат. Когда моя пуделиха Черри неожиданно начала кашлять, я моментально поволокла собаку в частную ветеринарную клинику, рассталась с кучей долларов и совершенно не переживала из-за отданных денег. Я вообще никогда не тряслась над сбережениями. Но чтобы самой отправиться по врачам просто так, без причины... Полнейший идиотизм.

А еще я втихаря посмеивалась над Леной, соседкой по лестничной клетке. Вот та постоянно носилась то к кардиологу, то к гастроэнтерологу, то к окулисту. А вечерами заглядывала ко мне, пила чай с домашней выпечкой и ныла:

– Ничегошеньки врачи не понимают. У меня онкология! А они говорят: у вас никаких проблем нет. Куда еще пойти, чтобы правильно поставили диагноз? Думаю, у меня рак желудка, печени, почек и сердца.

Все эти речи Лена произносила, поедая «завитушки», при изготовлении которых я использовала сливочное масло, яйца, молоко и разные специи. Мне постоянно хотелось ей сказать: «Только человек с желудком из хромированной стали способен слопать за один присест двадцать сдобных плюшек. У тебя здоровье, как у молодой лошади, перестань валять дурака».

Но, естественно, ничего подобного я никогда не говорила. Я понимала: Лена одинока, у нее нет ни мужа, ни детей, ни родителей, и она – журналист на договоре, каждый день на службу не ходит. Ей просто некуда деть свободное время.

И вот весной 1997 года я вдруг обнаружила странную вещь – мой весьма скромный от природы бюст неожиданно увеличился на целый размер...

Я никогда не переживала по поводу отсутствия пышных форм и всегда трезво оценивала свою внешность.

Мои бабушка и мама уродились удивительными красавицами. Афанасия Константиновна имела густые, красиво вьющиеся, очень темные волосы, огромные ярко-синие глаза, фарфорово-белую кожу. Замуж она вышла по большой страстной любви. Наверное, поэтому ее дочь Тамара, моя мама, получилась еще красивее ее. У Тамары Степановны была копна кудрей невероятного рыже-каштаново-золотого оттенка и глаза зеленого цвета. О грузинских предках моей мамы напоминал медальный профиль. Кроме того, у нее была прекрасная фигура, так называемые «песочные часы» – высокий бюст и талия пятьдесят пять сантиметров. Даже старея, она не теряла своего очарования. Великолепно помню, как мы с ней приехали на юбилей одного писателя, вошли в ресторан, и все присутствующие мужчины повернулись, разом замолчав и уставившись на нее. Маме тогда было под семьдесят.

Я же удалась в папу. Аркадий Николаевич был замечательным человеком, но вот Аполлоном его никак не назвать. Длинный нос, глубоко посаженные серо-голубые глаза, совершенно прямые светлые волосы, маленький подбородок и не очень крупный рот я получила от него. Иногда мама, глядя на меня, вздыхала и бормотала:

– Дочка полностью уродилась в Васильевых, ничего от Новацких.

Сейчас я понимаю, что вместе с неяркой внешностью мне от отца достался литературный талант, он был очень хорошим писателем. Но в подростковом возрасте я сильно переживала из-за того, что мне не досталось красоты Новацких. Были слезы в ванной, попытки самостоятельно покрасить волосы в темный цвет, я спала, забинтовав туго талию, и, пытаясь казаться выше ростом, подкладывала в туфли толстые стельки. В конце концов годам этак к двадцати пришло понимание: мне никогда не стать похожей на бабушку и маму, следовательно, придется жить с тем лицом и с той фигурой, которые получила от папы. Хорошо хоть мне не достались в наследство его лысина и большой живот.

Вот с чем-чем, а с лишним весом у меня никогда не возникало проблем, я всегда была маленькой, худенькой, похожей на кузнечика. На уроках физкультуры я стояла последней в ряду ребят и бойко кричала, глядя на учителя:

– Тридцать второй. Расчет окончен!

Мои одноклассницы росли, оформлялись в пышных девушек, я же практически не менялась. И на последнем курсе университета спокойно влезала в юбку, которую носила в четвертом классе. Полнела я всего два раза – будучи беременной. Кстати, я не ошиблась, когда писала ранее, что детей у меня трое, Дима – мой приемный сын.

В общем, до 1997 года такая деталь туалета, как лифчик, была мне не особо нужна. И вдруг за один месяц у меня появился внушительный бюст!

Я вспомнила поговорку «Сорок лет бабий век, сорок пять – баба ягодка опять», подумала, что стихийно превращаюсь в сочную курагу, похихикала сама с собой над неожиданной трансформацией и продолжала заниматься привычными делами.

К июню размер груди увеличился до третьего номера. Теперь, укладываясь вечером в кровать, я вертелась с боку на бок, пытаюсь как-то разместить неожиданно полученное богатство. Испытывая неприятные ощущения, думала: «Однако красота доставляет неудобство».

Я люблю спать на животе, но в начале июля мне стало понятно: придется лежать на спине в некомфортной, непривычной позе. Да еще, как назло, кошка Клеопатра стихийно обзавелась новой привычкой – едва я укладывалась под одеяло, она неслась в спальню, плюхалась мне на грудь, начинала нажимать на нее лапами и странно урчать. Я выгоняла нахалку в коридор, закрывала дверь, но Клепа принималась душераздирающе выть, вынуждая меня впускать ее назад. И все начиналось заново. В конце концов пришлось научиться дремать на спине под кошачий «массаж». Причем киска впадала в крайнее недовольство, замечая, что хозяйка отбыла в страну Морфея, и трогала меня за нос лапой до тех пор, пока я не открывала глаза. Тогда Клеопатра заглядывала мне в лицо и принималась «говорить». Под бесконечное нервное «мяу-мяу» я все-таки засыпала, на сей раз до утра. Что происходило с кисой, было непонятно, ветеринар успокоил меня сообщением об идеальном здоровье Клепы, и я решила, что у той просто портится характер.

В августе мы с мужем, Александром Ивановичем, и Машей отправились на отдых в Тунис. Поездка планировалась давно, мы ее предвкушали с восторгом,

Марусенька считала дни до отлета. И, надо сказать, наши ожидания оправдались целиком и полностью – отличный отель с аквапарком, вкусная еда, солнце и замечательная компания.

С нами вместе на побережье оказались Оксана Степановна Глод с сыном Денисом. Оксана всю жизнь стоит у операционного стола, она хирург, специализируется на удалении щитовидной железы. Моя подруга из той когорты врачей, которые, один раз дав клятву Гиппократу, никогда ей не изменяют, постоянно совершенствуются в своем мастерстве, не делят больных на богатых и бедных, одинаково заботятся о старушке-пенсионерке и олигархе, чье имя есть в списке «Форбс». Для Оксаны не имеют ни малейшего значения титулы, положение в обществе, уровень известности человека, главное другое: он болен, значит, требует к себе внимания. Наверное, поэтому прооперированные хирургом Глод люди быстро встают на ноги. У Оксаны легкая рука.

На тунисском пляже всегда было многолюдно, и как-то раз мы с Ксюней очутились в одной кабинке для переодевания. Я спокойно скинула мокрый купальник и вдруг услышала вопрос:

– Что это?

Я взглянула на Оксану. На ее лице застыло странное выражение – тревоги, смешанной с печалью.

– Что это? – повторила подруга, указывая на мою левую грудь.

– Бюст! – гордо ответила я. – Представляешь, он неожиданно вырос. Думаю, к Новому году превращусь в настоящую секс-бомбу.

– Надо возвращаться в Москву, – пробормотала Оксана, – желательно побыстрее. Похоже, у тебя... э... мастопатия. Необходимо сделать анализы.

Сейчас я понимаю, что Ксюня моментально, едва бросив взгляд на мою грудь, поставила правильный диагноз. Ей, хирургу с огромным опытом, не стоило труда определить масштаб проблемы. Меня должно было насторожить лицо Ксюни, оно словно заледенело, слегка вытянулось. Никогда, ни раньше, ни потом, я не видела у нее такого выражения. Но вокруг шумел пляж, Машка и Дениска прыгали около кабинки с воплями:

– Хотим мороженое... блинчики... покататься на катере...

Я быстро влезла в сухой купальник и сказала:

– А, ерунда! Мастопатия подождет. Я не намерена из-за пустяка портить мужу и ребенку долгожданный отпуск. Что случится за неделю? Сделай одолжение, ничего не говори Александру Ивановичу.

Оксана нахмурилась, но кивнула.

Отдохнули мы великолепно. К врачу я, несмотря на бесконечные напоминания подруги, обратилась в середине сентября. Надо было отправить Машу в школу, у Александра Ивановича, профессора МГУ, тоже начинался учебный год, маме потребовались очки, свекровь жаловалась на больную печень. Короче, большие и малые домашние проблемы сыпались водопадом. И вот однажды я проснулась от неприятного ощущения липкости, села на кровати и увидела на простыне, на том месте, где лежала моя грудь, темно-коричневые пятна.

Делать нечего, пришлось-таки пойти к врачу. Я пришла в обычную поликлинику, села в очередь, терпеливо промаялась почти два часа, попала в кабинет и заявила доктору:

– У меня мастопатия. Выпишите что-нибудь!

Женщина в белом халате тяжело вздохнула.

– Раздевайтесь...

Когда я скинула лифчик, пожилая медсестра, сидевшая за маленьким столиком, воскликнула:

– Матерь божья!

Потом она вскочила и со словами: «Ах ты, господи, совсем забыла про шприцы», – убежала из комнаты.

Врач начала бубнить:

- Вам необходимо посетить узкого специалиста.

- Зачем? - удивилась я. - Разве терапевт не может выписать что-то от мастопатии? Ну, например, сбор трав. Или на худой конец таблетки, уколы. Может, мне походить на физиотерапию? УВЧ, например. В детстве оно помогало мне от ангины.

Доктор молча написала на листке несколько строк.

- Здесь адрес. Езжайте срочно. Я вам не помогу.

Мне стало обидно.

- Я так долго сидела в очереди! Неужели трудно посоветовать какое-нибудь лекарство?

- Это не в моей компетенции, - отрезала терапевт, - я направляю вас к хирургу-онкологу. Он хороший специалист, профессор.

Я насторожилась.

- Мастопатию надо оперировать?

- Похоже, у вас киста, - фальшиво бодрим голосом заявила врач. - Главное, не затягивать время, иначе...

Не договорив, она замолчала и принялась перебирать на столе истории болезни.

- Иначе что? - спросила я.

- Запустите болезнь, будет сложнее лечиться, - чуть тише ответила терапевт.

Я вернулась домой, злая до невозможности. Думаете, меня испугало направление к онкологу? Как бы не так! Мне даже в голову не приходило, что

речь идет о раке. В нашей семье никогда ни у кого не было онкологических заболеваний. Бабушка Афанасия Константиновна скончалась в возрасте ста трех лет, будучи, как это ни странно звучит, абсолютно здоровым человеком. Ну да, у нее началась болезнь Альцгеймера, бабуля превратилась в ребенка, но ушла она в иной мир, ни разу не попав в стационар. Моя мать тоже не жаловалась на здоровье. Вот у папы было несколько инсультов подряд. Но рак?! Его в моей генетике не имелось.

Я подумала, что противная тетка-терапевт просто придерживается инструкции, которая предписывает всех женщин с кистой отправлять к онкологу, и решила ничего не сообщать мужу. У Александра Ивановича был сложный период на работе, не хотелось волновать его по пустякам. Но я решила все-таки сходить к специалисту-профессору – спать стало почти невозможно, хоть получу от него совет.

К медицинскому светилу я попала через пару недель – сами понимаете, консультацию врача подобного ранга всегда хочет получить большое количество народа.

Доктор внимательно осмотрел меня, потом воскликнул:

– Ну и ну! Вы, наверное, из глухой провинции? Там нет ни больниц, ни медицинского обслуживания?

– Родилась и живу в Москве, – возразила я.

– Тогда каким образом вам удалось так запустить болезнь? – продолжал хирург. – Рак молочной железы. Полагаю, с метастазами в легкие, может, в печень и позвоночник.

Я оторопела.

– Вы уверены? И что мне теперь делать?

Эскулап пожал плечами.

– На четвертой стадии? Продолжайте жить, как жили.

Меня охватила радость.

– Я обойдусь без операции?

– Да, – хмыкнул хирург, – она вам не поможет.

– Выпишите какие-нибудь таблетки, – попросила я. – А то грудь болит, спать неудобно. И замучилась стирать постельное белье, каждое утро просыпаюсь в лужице крови.

Профессор снял очки и положил их на стол.

– Агриппина Аркадьевна, вы не поняли? У вас рак. Запущенная стадия. Хирургическое вмешательство бесполезно. Оно лишь принесет вам страдания, проведете последние дни не дома, а в клинике.

– Чьи последние дни? – переспросила я.

– Ваши, – без особых эмоций сообщил он. – Трудно дать точный прогноз, может, протянете около года, но, скорей всего, три-четыре месяца.

Теперь, спустя много лет после визита к тому светиле, я великолепно знаю, что среди врачей встречаются порой трусливые, злые, а подчас и откровенно подлые люди. Есть среди них такие, как терапевт из районной поликлиники. Она поняла, что у пациентки онкологическое заболевание, но не решилась сказать правду вслух. Некоторые врачи опасаются истерики в кабинете, не желают успокаивать испуганного человека, поэтому говорят про кисту и выпроваживают больного к онкологу. Но это не самый плохой вариант. Есть и такие эскулапы, у которых в голове работает счетчик, они намерены получить как можно больше денег и принимаются обрабатывать подходящего на их взгляд больного с особым тщанием. Сначала пациента запугивают по полной программе, внушают ему мысль о неизлечимости, потом слегка отъезжают назад, предлагают операцию и предупреждают:

– Ваш случай практически безнадежный, никто не разрешит оперировать умирающего. Но я полагаю, что все же есть крохотный шанс. Им надо воспользоваться. Только надо заплатить...

Вот и тому профессору я показалась идеальным объектом для шантажа. Побеседовав со мной пять минут, хирург сразу сообразил: тетка с тремя детьми разбирается в медицине, как кролик в боевом оружии, и поехал на меня танком.

Я смотрела, как он открывает и закрывает рот, не слышала ни единого звука и пыталась справиться с ураганом мыслей. Я умру? Мне осталось жить три месяца? Этого просто не может быть! Я молодая женщина, абсолютно здоровая, только вот грудь болит... У меня киста! Какая онкология? Что он несет? Нет, нет и нет! Неправда!

Внезапно голос врача врезался в уши:

– Однако, если хотите, можем попробовать, пожалуй, я возьму вас к себе в отделение.

Я перевела дух. Значит, он наговорил ерунды про мою скорую кончину и готов лечить мою кисту.

– Но, как понимаете, наша больница не частная, народ месяцами ждет койки, – продолжал профессор, – а у вас времени нет, надо будет договориться с главврачом, выбить место. И я не один стою у стола в операционной, рядом ассистенты, анестезиолог, медсестры. Необходимо учесть и последующий уход. Очень часто случается так: вмешательство прошло удачно, а в реанимации на больного наплевали, и он умер.

– Сколько надо денег? – пролепетала я, до меня наконец дошло, куда клонит собеседник.

Светило деловито озвучил прейскурант. С каждой произносимой им цифрой меня прибывало к земле. Да, мы с Александром Ивановичем не нищие, но таких накоплений никогда не имели. Чтобы оплатить услуги алчного профессора и всей его команды придется продать квартиру.

– Вы, конечно, подумайте, но не долго, в вашем случае важен каждый час, – завершил речь профессор. – Приходите завтра с готовым решением и помните: жизнь у вас одна, за нее надо бороться.

– Если сделать операцию, сколько я потом проживу? – робко спросила я.

Профессору вопрос не понравился.

– Агриппина Аркадьевна, не о том думаете. Вам осталось три месяца, а затем, увы, – совсем не спокойная смерть. К сожалению, конечная стадия онкологического заболевания связана с физическими страданиями. Я предоставляю вам уникальный шанс. Хотя, конечно, слово за вами. Вероятно, вы не пожелаете тратиться. Может, оно и правильно. Деньги вашей семье еще понадобятся.

Хорошо, что он замолчал, а не уточнил: «Понадобятся на ваши похороны и поминки».

Я на ватных ногах выползла из его кабинета и вышла на улицу. Стоял жаркий, даже душный сентябрь, но меня трясло, словно мокрую мышь, попавшую в электропровода. Кое-как я добрела до лавочки, плюхнулась на нее, закрыла глаза и постаралась прийти в себя. Но чем дольше я сидела на скамеечке у корпуса, тем хуже становилось на душе. В голову лезли вопросы. Если я умру, что будет с моими детьми? Ладно, сыновья почти взрослые, хотя, согласитесь, неплохо и в пятьдесят лет иметь маму. Но Машенька-то совсем маленькая, дочке едва исполнилось одиннадцать. Как муж справится с бытом? Александр Иванович замечательный человек, но он уверен, что суп и котлеты сами прибегают в холодильник, а грязные рубашки волшебным образом превращаются в чистые. А свекровь? А моя мама? Собака, кошка, котята? Кто будет убирать в квартире? К кому вечером придет Марусенька, чтобы рассказать о своих неприятностях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/ya-ochen-hochu-zhit-moy-lichnyy-opyt>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)